

ЕГО

ЧЕРНО-БЕЛОЕ КИНО ЯРЧЕ ЦВЕТНОГО

НАШИ ДАТЫ

Сегодня — 20.07.98 — Алексею Герману исполнилось шестьдесят. Каннский фестиваль к этой славной дате, увы, оказался не готов. Ну не понимают благополучные европейцы наших реалий и проблем. И, в общем, не хотят знать, из какой бездны мы выкарабкиваемся.

Но мы-то знаем, что в кино именно Герман показал Третьеримскую империю времени наивысшего и страшного расцвета и начала развеселого и страшного упадка ярче, точнее, больнее, художественнее, а потому и правдивее всех. С хищным глазомером простого столяра. Его «Мой друг Иван Лапшин», «Двадцать дней без войны», «Проверка на дорогах» и «Хрусталева, машину!» (выстраиваю этот ряд не по времени появления фильмов, а по хронологии того, что в них показано) — довоенная, военная и послевоенная история нашей широкой и родной империи зла. Лучшей истории, в каком смысле лучшая история — литература.

Да, фильмы Германа поднимаются до большой литературы, что с кино случается пока крайне редко. Но при этом они совсем не литературны. Так же, как не театральны и не подчеркнуты живописны. Они именно кинематографичны. И значит, каждый кадр в них столь же выверен, как живописное полотно.

Но живопись фильмов Германа (от «писать по живому») не в духе Айвазовского или, к примеру, Шишова, которых любят обыватели («смотрите, как красиво!», «как похоже!»), а в брейгелевском роде, когда в героях картин не хочется узнавать самих себя и когда отнюдь не внешняя, поверхностная красота служит

критерием достигнутой гармонии.

Почему кино Германа черно-белое? Может быть, так А. Г. легче добиться яркости? Или только эту условность и меру остроты (ведь вообще-то мы видим мир в несколько более широкую шелку, чем верный Руслан) он позволяет себе, будучи запредельным реалистом?

У него в кадре — как в жизни — говорят сразу многие (потому и озвучение для А. Г. — процесс трудоемкий и неформальный), и мы совсем не обязаны слушать кого-то одного, «ведущего главную партию» (как если бы мы и вправду находились среди этих людей). Его камера зачастую показывает нам происходящее с высоты человеческого роста — тоже как в жизни любого из нас, кроме вертолетчиков и диггеров...

В общем, Герман делает настоящее кино, постоянно напоминающее, что прародительница этого искусства — фотография (конечно же черно-белая!), а волшебный фонарь на то и волшебный, что может высветить на экране нечто, чего никто заранее снимать не собирался. Его кино — как поэзия, главные враги которой, по определению Манделштама, переводы готовых смыслов. Связи и смыслы у Германа, как у поэта, не придумываются, а рождаются в процессе творчества. И «чуждое (или чуждое) мгновение» не описывается, даже не показывается, а происходит на наших глазах. Кстати, и другие органы чувств в этом сотворчестве принимают участие. Во всяком случае ваш покорный слуга, когда смотрел «Лапшина» и отснятый материал «Хрусталева», слышал запахи и помнит их до сих пор. Куда до такого любым техническим эффектам вроде стереокино!

Одним словом, мы поздравляем сегодня большого художника, на наше счастье родившегося и живущего в России. А

поскольку ему уже шестьдесят, можно не постесняться, не ждать других — все менее веселых — дат и сказать: гениально-го художника.

Как правило, сообщения, что имярек гениален, приходят к нам с дикого Запада (нег пророка в своем отечестве), но сейчас мы живем в зазеркалье конца тысячелетия и уже сами можем уверенно нести Европе на этом ее закате свою благую весть!

Впрочем, относительный неуспех в Канне, где Герман, кстати, впервые был конкурсантом (до этого он участвовал в фестивалях — в том числе и в Каннском — исключительно в качестве председателя или члена жюри, на днях с тем же отпором на Сицилию), не говорит о непризнании в Европе. В подтверждение этих слов мы

перепечатаваем сегодня одну из многочисленных хвалебных статей о «Хрусталева», вышедших во французской прессе после Канна (эта статья из журнала «Позитив» понравилась нам больше других прежде всего своим приемлемым для газеты объемом).

Вообще признание и успех — сущности совершенно разные и встречи их случайны, возможно, из-за того, что основательному признанию с ветреным успехом бывает тяжело. И, наверное, куда важнее, что «Хрусталева», не пользовавшийся успехом на каннском шоу, признание специалистов уже заслужил.

Им-то, специалистам, хорошо — они фильм видели. В отличие от нас, подавляющего большинства соотечественников мастера. Но что делать — мастера потому и мастера, что чрезвычайно требовательны и к себе, и к своим произведениям. Вот сейчас, например, Герман, искренне благодарный французам за помощь на последнем этапе записи звука, тем не менее испытывает чувство глубокого неудовлетворения от того, как у них со звуком получилось, и все переделывает. Уже здесь, на Ленфильме. Так сказать, старым казачьим способом. Говорит, что наши дядьки и тетки с авоськами, из которых торчит лук, в действительности все умеют делать лучше прагматичных европейцев, привыкших только нажимать на компьютерные кнопки. Во всяком случае, когда речь идет о товаре штучном. Например, блохе, которую надо подковать.

Так что «Хрусталева» нам придется еще немного подождать. До осени, когда не только цыплят считают, но и собирают урожай. А сегодня слово тому, кто эту ленту уже посмотрел. И, конечно, — наши пожелания ее новорожденному автору: здоровья и новых фильмов, пожалуйста!

● Олег ХЛЕБНИКОВ

Как Хрусталева подавал машину

Khroustaliov, ma voiture!
C. O. Franco-russe,
d'Alexei Gverman

Честно говоря, когда в 70-е годы нас пленяли шедевры Миклоша Янчо или Андрея Тарковского, что мы в них понимали? Ничего. Это были представления об историко-воображаемой реальности, совершенно чуждой нашей западной культуре.

Почему же сегодня большинство фестивальных зрителей либо просто уходило из зала, либо не желали терять свое время на последующую интерпретацию легендарного фильма Алексея Германа?

Не нужно противиться завораживающей и таинственной атмосфере, которая чувствуется с первого и до последнего кадра «Хрусталева». Это мрачная, ироничная, болезненная фреска, которая воссоздает потерянный, почти доисторический мир в то время, когда История еще не могла быть написана, воссоздает варварство свершившихся эпох, как если бы мы оказались погруженными в святую Русь в «Иване Грозном» Эйзенштейна.

В отличие от Тарковского Герман не останавливается на облачении иррационального начала, но по-воински пытается извлечь из него некие, пусть даже спутанные и искаженные, этические установки. Подобно Солженицыну, он в равной степени не доверяет и посткоммунистическим трактовкам.

Почему лысый врач, введенный в ранг генерала, стремится проникнуть в кафкианский замок, а может быть, выбраться из него, почему он неистовствует, как бесы Достоевского, посреди снега, плевков, дерьма и блевотины? Читая досе для прессы, мы открываем для себя «значимые явления», эхо которых режиссер хотел поймать в своем неистовом кинотанце. Фраза, дающая название фильму, — знаменитая реплика, которую соратник Сталина, Берия произнес сразу же после констатации смерти диктатора. Однако гротеск этой смерти во всей ее эпической и реалистической откровенности выражен без какой-либо политической эмфазы: она значит не больше, чем то, что ее окружает. <...>

Кажется, автор совсем не стремится выделять одно знаковое явление в ущерб другому: будь то личные детские воспоминания, «заговор врачей» против Сталина, государственный антисемитизм или хрущевская «оттепель». Десять лет созревания и три года съемок (есть чем утешить Кубрика) придали «Хрусталева» величественную вневременность. Это посмертный триумф «авторского кино», которое было сметено в странах Восточной Европы после разрушения Евровозможных стен. Эгоистичное, теократическое самоутверждение, которое продолжает шокировать даже после финальных кадров: поезд, на полной скорости несущийся посреди ледяной степи в Небытие. Презрение и ностальгия, власть хаоса, увековеченного лишь объективом камеры и единственным творцом, то есть самим Германом.

А что если это — автобиографическое произведение, обращенное в будущее?

● L. G.
(Перевод
Валерия Кислова)